

Губы Лин Цзыханя дрожали, и он долго не мог вымолвить ни слова. Медсестра терпеливо взяла со столика стакан воды, смочила стерильный тампон и осторожно смочила его пересохшие губы.

Лин Цзыхань облизнул капельку влаги и наконец прошептал:

— Позовите... Лэй Хунфэя... или... Лин Цзина...

На лице медсестры не сходила мягкая улыбка. Услышав просьбу, она тут же ответила:

— Не волнуйтесь, начальство уже распорядилось. Как только вы придёте в себя, мы сразу же сообщим.

— Хорошо... — Лин Цзыхань наконец успокоился.

Он чувствовал страшную усталость, но боялся заснуть, опасаясь, что больше не проснётся. Из последних сил он держал веки открытыми, ожидая их прихода.

Вскоре в палату вошёл Лин И.

Увидев отца, Лин Цзыхань удивился. Слабым голосом он спросил:

— Папа? Это ты?

Лин И подошёл к кровати и спокойно ответил:

— Да, это я.

Лин Цзыхань с недоумением спросил:

— Папа, что с Лин Цзином? И... с Хунфэем...

— С ними всё в порядке. Они просто беспокоятся о тебе, — невозмутимо ответил Лин И. — Скоро они отправятся на операцию. Если ты не очнёшься, они будут волноваться, потеряют концентрацию, а это опасно.

— А... тогда... скажи им... что я в порядке... — Лин Цзыхань наконец расслабился, и силы тут же покинули его. Он слабо закрыл глаза.

Лин И взял его руку и мягко сказал:

— Цзыхань, я не рассказывал тебе правду о матери, чтобы не травмировать тебя. Я хотел, чтобы ты рос здоровым и счастливым.

Лин Цзыхань открыл глаза, посмотрел на отца и медленно кивнул.

Лин И ласково продолжил:

— Хотя я и скрыл от тебя правду, ты сам отомстил за мать. Возможно, такова была воля небес — чтобы ты приехал в Синьцзян и сделал это своими руками.

Лин Цзыхань снова кивнул, и взгляд его стал более осознанным.

Лин И с любовью погладил его по голове:

— Сынок, соберись с силами. Мама любила тебя больше жизни. Если душа её видит тебя сейчас, она не хотела бы, чтобы ты так страдал.

Лин Цзыхань тихо спросил:

— Папа, если я умру, я увижу маму?

Сердце Лин И сжалось, но внешне он сохранял спокойствие. Нежно поглаживая лоб сына, он прошептал:

— Увидишь. Но мама наверняка хочет, чтобы ты жил.

Лин Цзыханю почудилось, что он видит материнские глаза, полные любви и тревоги, смотрящие на него. Глубокая скорбь на его лице стала понемногу рассеиваться.

Лин И поправил одеяло и мягко добавил:

— Ты спас Лин Цзина, с ним всё хорошо. В этой операции он проявил себя с лучшей стороны, можешь не волноваться.

На лице Лин Цзыханя появилось выражение облегчения.

Лин И тихо сказал:

— Лин Цзин и Лэй Хунфэй навещали тебя.

Лин Цзыхань понял, что его воспоминания — не галлюцинация. Лэй Хунфэй и вправду был здесь и говорил с ним. Он слабо улыбнулся.

— Многие хотели тебя навестить, но Тун Юэ всех прогнал. Он умеет быть строгим, когда нужно, — улыбнулся Лин И. — Я знаю, ты не любишь публичности. Но, как говорится, «персики и сливы молчат, но тропа к ним сама зарастает»\*.

— Понимаю, — тоже улыбнулся Лин Цзыхань. Выражение лица его стало мирным, голос окреп. — На самом деле, я пользуюсь твоей славой. Но если разведчик становится настолько известным, это же провал, да?

Лин И рассмеялся, услышав редкую шутку сына, и тут же кивнул:

— Верно. Так что мне и впрямь нечем гордиться.

Лин Цзыхань нежно улыбался, глядя на отца. Они уже давно не были так близки.

Лин И вдруг наклонился, поцеловал сына в лоб и тихо прошептал ему на ухо:

— Сынок, ты превзошёл меня. Я горжусь тобой.

Рука Лин Цзыханя, которую держал отец, дрогнула, а затем крепко сжала его ладонь.

Впервые за столько лет Лин И сказал сыну столь эмоциональные слова.

Всегда он был к нему строг, спокойно воспринимая его заслуги и раны. На самом деле он просто не хотел, чтобы сын стал излишне чувствительным и уязвимым — в их работе это было смертельно опасно. Однако сын всегда проявлял себя безупречно, особенно в этот раз:

внезапно узнав правду о смерти матери, он сумел взять себя в руки и действовать хладнокровно. Это означало, что он окончательно повзрослел. С этого момента Лин И мог позволить себе снова стать просто отцом.

Лин Цзыханю не потребовалось объяснений, чтобы понять эти мысли. В груди у него потеплело, и тепло это разлилось по всему телу. Он крепко держал отцовскую руку, и на губах его медленно появилась улыбка.

Лин И оставался у кровати, тихо беседуя с сыном о простых вещах, пока тот не заснул от изнеможения. Тогда он тихо вышел.

Всё это время Тун Юэ ждал его в своём кабинете. Глядя на монитор, он видел, как отец общается с сыном. Хотя слов разобрать было нельзя, по выражению лица Лин Цзыханя он понял: состояние мальчика пойдёт на поправку. Успокоившись, он смотрел на Лин И, и глаза его были полны сдержанной нежности.

Спустя несколько дней, когда Лин Цзыханю стало заметно лучше, Тун Юэ разрешил навестить его узкому кругу лиц.

Когда Лин Цзин и Лэй Хунфэй вместе вошли в палату, зимнее солнце уже клонилось к закату, и его косые лучи падали из окна.

Лин Цзыхань лежал, спокойно глядя на них.

Оба офицера были одинаково статны и мужественны, и от них словно исходил свет.

Он улыбнулся.

Лин Цзин смотрел на страшно исхудавшего Лин Цзыханя, и на лице его отражалась целая гамма чувств.

Лэй Хунфэй, не в силах сдержаться, подошёл вплотную, внимательно оглядел Лин Цзыханя и радостно выпалил:

— Брат, ты наконец очнулся, слава богу.

Лин Цзыхань лишь мягко улыбался. Правая рука его была на капельнице, поэтому он с трудом высвободил из-под одеяла левую и протянул её Лин Цзину.

Лин Цзин тут же подошёл, согрел его холодную руку в своих ладонях и присел рядом.

Лин Цзыхань тихо сказал:

— Командир Лин, на этот раз мы, пожалуй, прощаемся по-настоящему.

— Зам, не думай так, — с лёгким укором произнёс Лин Цзин. — Весь отряд ждёт твоего возвращения.

Лин Цзыхань слегка покачал головой:

— Я уже не гожусь. В армии мне не место.

— Что значит «не гожусь»? Время ещё есть, — с заботой сказал Лин Цзин. — Зам, ты ещё так молод, не говори таких вещей. На этот раз мы отомстили сполна, и я доволен. Надеюсь, ты

соберёшься с силами, быстро поправишься и вернёшься в строй.

Лин Цзыхань улыбнулся:

— Я постараюсь поправиться. Вообще, работать с тобой эти несколько месяцев для меня большая честь.

— Не стоит, — улыбнулся Лин Цзин. — Зам, пусть ты физически не так силен, но духом крепок. В этой операции ты проявил себя так, что весь отряд преклонился. Все говорят, что ты — достойный заместитель командира «Дикого волка».

— Командир, спасибо, — улыбнулся Лин Цзыхань. — Эти дни были для меня особенными. Я чувствовал себя... легко. И счастливо.

— Нет, — Лин Цзин, услышав это, почувствовал ещё большее раскаяние. — Я знаю, тебе было ни легко, ни радостно. Я подвёл тебя.

Лин Цзыхань мягко улыбнулся:

— Ты был ко мне добр. И ребята тоже.

Лин Цзин тяжело вздохнул:

— Зам, твои слова заставляют меня гореть от стыда.

— Командир, хватит себя корить. Всё позади, ты ни в чём не виноват, — медленно проговорил Лин Цзыхань и повернулся к Лэй Хунфэю. — Старина Лэй, и ты здесь.

Лэй Хунфэй, не отрывая от него глаз, кивнул:

— Ага.

Лин Цзыхань, видя его подавленный вид, усмехнулся:

— Что с тобой?

— Сам спрашиваешь, — проворчал Лэй Хунфэй, сердито сверкнув на него глазами. — Ты только посмотри на себя! Специально меня изводишь, да? Бесишь.

— Какая ерунда. Чем это я тебя извожу? — Лин Цзыхань тихо рассмеялся, с нежностью глядя на него.

\* «Персики и сливы молчат, но тропа к ним сама зарастает» (кит. пословица) — о человеке, чьи достоинства говорят сами за себя и привлекают людей.

<http://bllate.org/book/16287/1469272>